

6. Благов Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции / Ю.Е.Благов. – СПб.:Изд-во «Высшая школа менеджмента». – 2010. – 272 с.
7. Гуссерль Е. Логічні дослідження. Картезіанські роздуми. Криза європейських наук і трансцендентальна феноменологія / Е.Гуссерль. – Мн.: М. – 2000. – 752 с.
8. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г.Йонас. – М.: Айрис-Пресс.- 2004. – 480 с.
9. Скобелева Т.М. Социальная ответственность – интегральное качество гражданина-патриота. - Журнал Среднепрофессиональное образование / Т.М.Скобелева. – 2009. – № 10. – С. 53-53.
10. Тернопільська В.І. Відповідальність особистості: гуманітарний аспект. - Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка / В.І.Тернопільська. – 2004. - С. 48-49.
11. Томашов В.В. Сущность социальной ответственности и ее место в системе исторического материализма / В.В.Томашов. – Челябинск., 1980. – С. 108-109.
12. Хайдеггер М. Время и бытие / М.Хайдеггер. – М.: Республика. - 1993. – 213 с.
- Тульчинский Г.Л. Корпоративная социальная ответственность / Г.Л.Тульчинский. – С.-Петербург, Петрополис. – 2009.
13. Хачатуров Р.Л. Юридическая ответственность / Р.Л.Хачатуров, Р.Г.Ягутян. – Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела. – 1995. – 200 с.
14. Зінченко, А.Г. Корпоративна соціальна відповідальність 2005-2010: стан та перспективи розвитку / А.Г.Зінченко. – К.: Фарбований лист. – 2010. – 56 с.
15. Юрій М.Ф. Соціологія культури / М.Ф.Юрій. – К.: Кондор. – 2006. – 302 с.
16. Luhmann. Social systems. – Stanford: University. Press. – 1995. – 214 p.

Demid Bulavin

Social responsibility as a factor of life world of personality and society

The paper describes the main theoretical directions to formation life world of the individual and society. Researchers of this area has been singled out: E.Husserl, N.Lumen, A.Touraine, P.Berger and T.Luhmann, H.Spencer, T.Parsons, E.Durkheim, A.Schutz, M.Weber. Notable among the selected areas takes smyslotvorenniya social reality. Also singled out an interesting direction sociocultural evolution of social systems. Other properties of the social system are: interaction, organization and structure-functional play. As an element meaning of creation and life worlds of social responsibility is seen in many areas, levels of which features great attention is paid to the norms and attitudes companies identify and awareness.

Keywords: life world, social responsibility, construction of reality, smyslotvorenniya, social norm.

Надійшла до редакції 25.03.2015 р.

УДК 236.1:[167.7:303.442.44:215::616-036.887]«2015»(06)

© Сергей Селецкий
(Белгород-Днестровский)

БОГОСЛОВСКО-ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ ФЕНОМЕНА СМЕРТИ КАК НОВЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ТАНАТОЛОГИИ

В статье поднимается весьма насущная проблема методологии исследования феномена смерти в контексте (религиозной) библейской танатологии.

Ключевые слова: смерть, феномен смерти в Библии, методология, моделирование, аналогия, терапия, синтез богословия и медицины, истина, библейская танатология.

Актуальность настоящего исследования трудно недооценить, так как если здраво посмотреть на ход библейской истории, то просто невозможно отрицать тот факт, что все проблемы, или же дисгармония вселенной началась именно из-за смерти (Быт.2:17; 3:6).

Сам же ретроспективный процесс истории сопровождается постоянной борьбой со смертью (Быт.3:14-19), доколе Бог не будет всё во всё (1Кор.15:28; Еф.1:23). Последний же триумфальный этап настоящей хронологической истории будет знаменоваться тем, что смерти не будет (1Кор.15:26; 15:54). И только тогда начнётся этап эсхатологической истории, о котором сказано, что «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло», а «боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая» (Откр.21:4-8). Как мы видим, библейская танатология незаслуженно отодвинута на второй план в систематическом богословии, что отрицательно сказывается на понимании богословских дисциплин в библейском контексте.

Ведь исторический опыт показывает нам, что за заблуждения и эклектизм в области танатологии человечеству во все века приходилось платить большую цену. Ведь именно эта дисциплина является основой любого религиозного течения или философской системы. Отсутствие знания или недопонимание именно в этой сакральной сфере, влекли за собой не только межконфессиональные разногласия, схизмы, ереси, организацию различных религиозных культов, но и целые религиозные войны.

Всё выше сказанное позволяет прояснить **основную цель исследования**, которое идёт путём предметного самоопределения систематической библейской танатологии, как новой дисциплины в богословии и влечет за собой попытку определить методологию, которая бы удовлетворяла практическим и теоретическим критериям исследования феномена смерти.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Обосновать Библию, как объект исследования и надёжный источник информации о феномене смерти;
2. Анализ современной проблематики методологии в танатологических исследованиях;
3. Рассмотреть принципы научной и библейской аналогии;
4. Обосновать синтез богословия и медицины, как необходимого элемента в разработке методологии;
5. Разработать и предложить не только определенную богословско-философскую (герменевтическую), но и как можно более, приближённую к эмпирической практике (терапевтическую) методологию, чтобы извлекать из Писания и систематизировать те связанные со смертью доктрины, которые находятся в ней;
6. Обосновать использование такого нового методологического подхода в систематической библейской танатологии, как *герменевтическое моделирование с использованием строгой богословско-терапевтической аналогии свойств и отношений феномена смерти, в основе которой лежит главное понятие: «Смерть – болезнь».*

Феномен смерти в Библии, как объект исследования танатологии

Изложение материала. Не секрет, что «характер осмысления смерти в каждой культуре и в каждой эпохе носит универсальные черты, определяющие уровень *духовного самосознания нации*. Ясно одно, не изучать смерть человек не может. Но делает он это всегда тем особым способом, по которому можно судить о его нравственном достоинстве, интеллектуальной честности и метафизической укорененности» [2, с.63], – пишет Варава В.В. в своей статье «Грани культуры».

«Законы мышления имеют дело с интеллектуальными операциями, возникающими в сознании многих людей. Содержание их мыслей, естественно, различно. Однако форма, в которой люди отражают внешний мир и свое внутреннее самочувствие, одинакова, тождественная даже у представителей удаленных друг от друга цивилизаций и исторических периодов. Именно эта общность, устойчивость, повторяемость сложившихся в процессе человеческой эволюции форм мышления и есть фундамент общих логических законов» [12, с.23], – соглашаясь, пишет Сидоренко Ф.Ф. в учебнике «Логика».

Тут, конечно же, надо признать, что «такие факторы, как образование, культура, воспитание и грех влияют на наше восприятие истины и могут исказить его» [16, с.48-49], – говорит Томас Веспетал в своём труде «Слово о Боге».

«"Размышление" о смерти, если оно существует, может быть только таким: рассредоточенной рефлексией, которая, в отличие от внимания, не боится отвлекаться и скользить между рассредоточенностью и рассеянностью» [20, с.54-55], – подтверждает Янкевич В. в философском труде «Смерть». Поэтому Поль Рикёр и советует придерживаться «герменевтики подозрения», то есть всегда быть готовыми подвергать наши истолкования тщательной критике и проверке на истинность [21, с.143]. «Все люди верят в то, что истина существует. Если Бог является Богом истины и истинным Богом, следовательно, Он и есть Истина. Эта Истина с большой буквы является условием существования всякой другой истины. Таким образом, существование какой-либо истины подразумевает существование и Истины с большой буквы ...», – писал Аврелий Августин. В представлении Филона Александрийского «греческая философия и мудрость библейская в конечном счете имеют один и тот же источник – Божественный разум, Логос, хотя библейская мудрость имеет то преимущество, что она есть просто слово (Логос) Бога, тогда как философия греков есть человеческое воспроизведение отраженного «слова» – образа божественного Логоса» [9, с.2], – обобщает Лега В.П. в своей статье.

А Вольф Николас, даже заявляет, что: «Современная наука стала возможной через христианское понимание рациональности Бога. <...> Христианские философы объединили рациональность с эмпирически-индуктивным методом. Одним из них был Роберт Гросетест (1175-1253), английский философ, естествоиспытатель и теолог (канцлер Оксфордского университета и епископ Линкольнский), который первым предложил индуктивный, экспериментальный метод. <...> Этот метод был широко распространён среди христианских монахов, естествоиспытателей, философов, теологов, пока не появились ... такие ученые, как Гросетест, Буридан, Бэконы, Окхэм, а позже Коперник, Весаий, Кеплер и Галилей, *которые* знали Библию и понимали, что природа, сотворенная Богом сама по себе неживая, т.е. не является одухотворенной. И если бы не их исследования, то люди не пришли бы к рационально-индуктивному методу и никакой современной науки не существовало бы. Эти ученые первыми предприняли попытку понять мир, созданный Богом. Льюис, один из них, писал: «Совсем немного наука отдалена от Бога - наука ведет к Нему обратно» [3, с.15].

Хотя есть большое сомнение, что у науки есть эвристический потенциал для адекватного изучения феномена смерти. «Наука дает определение всем предметам, явлениям, феноменам, и только определения того, что такое смерть, наука не дает» [7, с.130]. Янкевич В. так же говорит на эту тему: «Располагаясь по ту сторону наших возможностей, смерть обозначает пределы всех технических ухищрений; против нее бессильна любая механика; медицина может заметно улучшить здоровье и продлить человеческую жизнь; но смерть такая болезнь, от которой не поможет никакое средство и которую не победит никакое врачебное искусство» [20, с.406].

Поэтому мы, после всего сказанного, имея вполне обоснованную научную предпосылку, с определённой смелостью, обращаемся в выяснении исследуемого нами вопроса, к Слову Божию, т.е. Библии. Ибо Автор этого великого источника познания истины, сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан.14:6), «Я есмь Первый и Последний, и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и *имею ключи ада и смерти*» (Откр.1:17,18), а так же о Ком сказано, что Он «не есть Бог *мертвых, но живых*, ибо у Него все живы» (Лук.20:38).

Современная проблема методологии в танатологических исследованиях.

Хотя, с одной стороны, современным учёным дан огромный простор в танатологических исследованиях, и лестно слышать мнение известного патолога-танатола, профессора Г.В. Шора, который в своём труде «О смерти человека: введение в танатологию», писал: «Мне хочется высказать пожелание, чтобы к разработке танатологической проблемы приступили

представители различных научных дисциплин, т. к. только *полигранная* разработка этих вопросов сможет внести ясность в учение о смерти» [19, с.242].

Но с другой стороны, пишет Варава В.В., мы встретились с тем, что «реанимация гносеологического интереса к *терминальной* проблематике в ситуации размытости методологических критериев создает определенный хаос (методологический произвол) в исследовательском пространстве. Междисциплинарный характер изучения феномена смерти, усиливает исследовательский волюнтаризм, что порождает ситуацию «танатологического эклектизма» [2, с.63]. Так же и Исупов К.Г. подтверждает, что «сейчас мы переживаем накат четвертой волны эклектической танатологии (если первой считать эпоху классического масонства, второй – спиритические дискуссии времен Достоевского и Федорова, а третьей – эмигрантскую публицистику Сербяного века)» [6, с.106].

Далее Варава В.В. предлагает: «В качестве главных разграничительных критериев, позволяющих упорядочить многочисленные разноаспектные исследования смерти, <...> используются понятия *эмпирическая* и *философская* танатология. <...> Мы предлагаем расширить понятие «эмпирическая танатология», включив в нее (помимо трансперсональной психологии) *все нефилософские* исследования феномена смерти в различных областях гуманитарного и естественного знания» [2, с.64]. Другими словами он говорит, что «ситуация требует выработки жесткой методологии, которая не позволила бы *духовным смыслам* смерти расползтись по территориям периферийных и прикладных для нее наук» [2, с.63].

Таким образом, мы подошли к основным вопросам нашего исследования, а именно, попытке выработки методологии.

Понятие аналогии как приёма в методологии научного исследования.

Аналогия – это перенос информации с одного предмета на другой, в основе которого лежит сходство в существенных признаках с целью систематизации. А имеет признаки **а, Б, с, х**; Б имеет признаки **а, Б, с**; Вероятно, Б имеет признак **х**. По характеру информации, переносимой с предмета на предмет, различают два вида аналогии: *аналогию свойств* и *аналогию отношений*.

Аналогия свойств – это такой вид аналогии, при котором переносимыми признаками являются свойства предметов. Например, по сходным признакам (симптомам) протекания болезни у разных людей врачи заключают, что они страдают одним и тем же недугом. В случае их выздоровления симптомы возвращения к пациентам жизненных сил, надо полагать, тоже будут сходными...

Аналогия отношений – это такой вид аналогии, при котором информация, переносимая с предмета на предмет характеризует не столько свойства предметов, сколько от ношения между ними. Резерфорд, например, предположил по этой аналогии, что модель атома подобна модели солнечной системы...

По степени достоверности знания, получаемого в результате аналогии, последнюю делят на три формы: 1) строгая аналогия – дает весьма достоверные выводы; 2) нестрогая аналогия – дает приблизительное, вероятное заключение; 3) ложная аналогия – ее результатом является ложный вывод [12, с.75-77].

А теперь поговорим о целесообразности использовании аналогии при рассмотрении разных областей знания. Вот, к примеру, Тейлор Д. с соавторами, в своём труде «Биология» пишут по этому поводу так: «Всякий раз, когда выясняется, что две, казалось бы, разные области науки на самом деле взаимосвязаны, факты, накопленные в каждой из них, можно использовать для объяснения явлений, изучаемых в другой области. Такой подход, как правило, приносит успех» [15, с.64].

Федоренко Ф.Ф. ещё более утверждает нас в правильности подобного методологического подхода, высказываясь о том, что «пользуясь умозаключением по аналогии, ученые и исследователи пришли к многочисленным открытиям. Н. Винер, основоположник кибернетики, по его собственным словам, был поражен сходством между принципами действия нервной системы и цифровых вычислительных машин. <...> Изучая

действие новых лекарств сперва на животных, а затем уже на человеческом организме, предполагают определенное подобие организмов человека и животного и т. п.» [12, с.75].

Как видим, из этих примеров, мы на верном пути и использование метода аналогии весьма целесообразно для нашего исследования феномена смерти с научной стороны. В данном случае автор работы предлагает использовать терапевтическую (медицинскую) аналогию. Но что будет, если посмотреть на этот метод с богословской стороны?

Библейская герменевтика и литературные аналогии (уподобления).

В библейском языке также есть свои аналогии и священнописатели использовали их для лучшего понимания сущности излагаемых истин. Давайте рассмотрим литературные приёмы, на прямую связанные с аналогиями (уподоблениями) во свете библейской герменевтики.

Начнём с того, что такие слова, как: «подобно», встречаются 49 раз в Ветхом Завете и 37 в Новом Завете; «подобное», встречается 6 раз в Новом Завете, и «подобного» 2 раза в Новом Завете, что означает – (подобный, похожий, сходный). Слово – «уподоблю», встречается 4 раза в Новом Завете, что означает – (делать подобным, приравнять).

Генри А. Верклер в своём учебном пособии «Герменевтика. Принципы и процесс толкования Библии» весьма подробно описывает и даёт анализ таким литературным приёмам, как: сравнения, метафоры, притчи, аллегории, поговорки и прообразы.

Сравнение – это «выраженное *уподобление*: обычно в нем используются слова «как» или «подобно» (напр., «Царство Небесное подобно ...»). Подчеркивается какой – либо элемент сходства между двумя мыслями, категориями, действиями и т.д. Предмет и то, с чем его сравнивают, остаются разделенными (т.е. написано не «Царство Небесное есть...», а «Царство Небесное подобно...»)» [4, с.83].

Метафора – это «невыраженное *сравнение*: в ней не используются слова «подобно» или «как». Предмет и то, с чем он сравнивается, объединены, а не разделены. Иисус использовал метафоры, когда Он говорил: «Я есмь хлеб жизни», и «вы свет мира». Хотя предмет и то, с чем он сравнивается, соединены в одно целое, автор не предполагает, что его слова будут поняты буквально» [4, с.83].

Притчу «можно определить как расширенное *сравнение*. Уподобление здесь выражено, предмет и то, с чем он сравнивается, объяснены более полно и остаются разделенными» [4, с.83].

Аллегория «можно определить, как расширенную *метафору*: сравнение прямо не выражено, а предмет и то, с чем он сравнивается, объединены» [4, с.84].

Поговорки (как сравнения и метафоры) «обычно содержат одну мысль или уподобление» [4, с.86].

Прообразы – «Греческое слово *typos*, переведенное на русский язык как прообраз, имеет в Новом Завете целый ряд денотаций. Основная мысль, выраженная словом *typos* и его синонимами, заключается в идее **сходства, подобия и аналогии**. Применяя индуктивный метод исследования прообразов в Писании, было выработано следующее определение: *прообраз – это определенные представительные отношения, которыми конкретные лица, события и установления связаны с соответствующими лицами, событиями и установлениями более позднего времени в истории спасения.* <...>

Широко известный пример библейского прообраза дан в Иоан. 3,14-15. Иисус говорит: "И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесено быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную". Иисус указывает на два соответствующих сходства: поднесение змия и Его Самого, жизнь, которая дается тем, кто обратится к вознесенному.

Прообразность основана на том предположении, что в Божьем деле искупления на протяжении всей истории спасения есть определенная схема. <...> Предшествующее изображение называется прообразом; исполнение называется образом» [4, с.97].

Не трудно убедиться, что в действительности библейские тексты полны аналогий. Так или иначе, но мы наблюдаем огромное сходство между естественнонаучными и библейскими (литературными) аналогиями.

Почему для исследований феномена смерти необходим синтез богословия и медицины?

Потому что именно священники и врачи являются теми, кто провожает в последний путь умирающих больных: слышат его последнюю волю, определяют последний удар сердца и видят динамику процесса умирания.

Зачастую именно врачи соперничают с теологами церкви в выражении потаенных движений коллективной системы представлений относительно смерти. «Именно врач и теолог, как коллеги, должны уметь отделять естественные феномены от суеверий или явлений иного небиблейского порядка» [18, с.302,306].

Епископ Пантелеймон, по этому вопросу пишет так: «На Земле есть два основных служения, которые прямо направлены на то, чтобы помочь человеку в его страдании – служение священника и служение врача, и они имеют много общего. <...> Священник, и врач занимаются излечением человека. Врач лечит тело, священник – душу. Но священник, врачая душу, принимает во внимание и состояние тела. Также и врач, настоящий врач, который действительно стремится лечить человека, а не только его болезнь, – обращает внимание на душу человека, на его настроение, на состояние его духа. <...> Среди ближайших учеников Христа был автор одного из четырех Евангелий – апостол Лука, который был врачом. Я думаю, это не случайно, что уже среди апостолов был человек, соединивший врачебное искусство и глубочайшую веру» [5].

Рассуждая о смерти в подобных категориях, не скажешь лучше Августина: «Ведь врач не спорит с больным. И если больной имеет дело с врачом, болезнь побеждается, и больной выздоравливает. О том старается врач, чтобы победить; этого же хочет и болезнь, – чтобы победить. Если победит врач, больной выздоравливает; если побеждает болезнь, больной умирает. Так и в нашем состязании боролся врач за спасение больного, а больной ратовал за болезнь. Кто обратил внимание на совет врача, тот победил, одолел болезнь» [1, с.510].

Известный и уже нами упомянутый философ-танатолог Янкевич В. сделал прекрасный вывод: «Смерть – точка касания метаэмпирической тайны и естественного феномена; феномен летального исхода относится к компетенции **науки** (в нашем случае *медицины*), а сверхъестественная тайна смерти апеллирует к **религии**» [20, с.14].

Герменевтическое моделирование с использованием строгой богословско-терапевтической (медицинской) аналогии свойств и отношений феномена смерти

В основе данной исследовательской аналогии лежит положение утверждающее, что: «Смерть – болезнь». Мы приведем мнения различных авторов, так или иначе говоривших на эту тему, но всё же, ни кто из них не развил эту гипотезу далее и не представил её как методологический способ исследования феномена смерти в контексте библейской танатологии.

Чтобы убедиться в этом, нам сначала необходимо разобраться, что же такое «болезнь»? Профессор Пальцев М.А. в своих лекциях говорил, что «это очень сложное понятие, для которого до сих пор нет исчерпывающего определения, а каждое из существующих подчеркивает лишь ту или иную сторону этого состояния человека. Однако все они сходятся в том, что **болезнь – это форма жизни**. <...> Так, Р.Вирхов определял болезнь как “жизнь при ненормальных условиях”, Л.Ашофф считал, что “**болезнь – это нарушение функций, вследствие которого возникает угроза жизни**”» [8, с.5].

Уотсон Л. в философском труде «Ошибка Ромео» так же говорит о том, что «у рака, как и смерти, нет одной причины. Средства от рака будут найдены, однако они не уничтожат рак. Средства от смерти уже находят, но люди по-прежнему будут умирать – и их будут от этого лечить. И смерть, и рак – состояния жизни» [17, с.8].

В научно-медицинских исследованиях исторически сложился практико-методологический подход в диагностике заболеваний человека. Он ценен для нас именно тем, что он веками опробован и неизменно определяет методы дальнейшего лечения. Это такие критерии, как:

Танатогенез (*thanatogenesis*; греч. *thanatos* смерть + *genesis* зарождение, происхождение) – динамика клинических, биохимических и морфологических изменений в процессе умирания [10].

Профілактика (от греч. *Prophylaktikos*) – предохранительные меры для недопущения болезни или её осложнений [8, с.22].

Анамнез (от греч. *Ανάμνησις* – воспоминание) – совокупность сведений, получаемых при медицинском обследовании путём расспроса самого обследуемого и/или знающих его лиц и включает: Анамнез болезни (*Anamnesis morbi*); Анамнез жизни (*Anamnesis vitae*); Семейный анамнез (*Anamnesis familia*) [13].

Этиология (от греч. *aitia* – причина, *logos* – учение) – причины и условия возникновения конкретной болезни, конкретного патологического процесса, что существенно облегчает постановку диагноза и позволяет проводить этиологическую терапию [8, с.7].

Патогенез (от греч. *pathos* – страдание, болезнь и *genesis* – развитие, происхождение) – учения об общих закономерностях и механизмах развития, течения и исхода патологических процессов и болезней [8, с.8].

Патоморфоз (от греч. *Pathos* – болезнь и *morphosis* – формирование) – стойкое изменение клинических и морфологических проявлений болезни под влиянием каких-либо факторов окружающей среды [8, с.29].

Терапия (от греч. *θεραπεία* – лечение, оздоровление) – процесс, целью которого является облегчение, <...>, нормализация нарушенных процессов жизнедеятельности и выздоровление, восстановление здоровья. *Этиотропная терапия* направлена на устранение причины заболевания. *Патогенетическая терапия* направлена на механизмы развития заболевания <...>. *Симптоматическая (паллиативная) терапия* применяется для устранения отдельных симптомов заболевания и при невозможности радикального излечения [14].

Прогноз (от греч. *prognosis* – предвидение, предсказание), таким образом, понятно, что каждая болезнь имеет исходы. Исход может быть благоприятным, т.е. выздоровление, и неблагоприятным, т.е. смерть [8, с.22].

Дерек Принс в книге «Встречая смерть», приводя похожую аналогию для исследования природы смерти, пишет: «Когда современная медицина встречается с физической проблемой, то она стремится определить три момента: **диагноз заболевания, прогноз заболевания, и лечение**. Диагноз открывает причину, прогноз предсказывает развитие болезни, а лечение, конечно же, является ответом на заболевание. **Когда мы встречаемся с вопросом смерти, то Библия предлагает все три: диагноз, прогноз и лечение**» [11, с.11].

Так же и английский биолог и писатель Л.Уотсон писал, что: «Один из способов решения проблемы смерти – **видеть в ней просто болезнь**. Во многих отношениях это временное состояние, от которого, как и от болезни, можно вылечить. Подобно тому, как существуют неизлечимые пока болезни, есть некоторые стадии смерти, с которыми мы пока не можем справиться <...>».

Корни проблемы лежат в нашем культурном, лингвистическом, социальном, научном, медицинском и психологическом убеждении, **что смерть – это нечто неизменное. Однако если рассматривать смерть как болезнь, считать ее излечимой, тогда проблема сама собой отпадает**» [17, с.8]. Далее, он продолжает свои рассуждения: «Так или иначе, но пока мы находимся в следующей ситуации: оказывается, смерть невозможно установить. <...> Переход от жизни к смерти почти неуловим, и, так как жизнь все время раздвигает свои границы, становится ясно, что смерть имеет различные стадии и большинство из них (а может быть, даже все) обратимы. **Смерть начинает казаться чем-то неокончательным и все более напоминать временный недуг**» [17, с.11].

Что касается смерти, – пишет Янкевич В., – она затрагивает все наше естество в целом. <...> Одновременно и норма и патология, **смертность – это болезнь из болезней**, которой подвержены и больные, и здоровые; и те, у кого "что-то есть", и те, у кого ничего нет и нигде не болит; те, кто умрет в тридцать лет, и те, кто умрет от старости, дожив до девяноста; **смерть – это болезнь здоровья!** Совершенно естественная, хором повторяют Эпикур и Марк Аврелий, Лукреций и Эпиктет, – и тем не менее всегда патологическая; соприродная человечности человека, но всегда чуждая природе живого существа: такова не

поддающаяся определению болезней, называемая смертностью. Это проклятие, рассеявшееся повсюду, пропитавшее судьбу рода человеческого, или (если называть вещи своими именами) это конечность человеческого существа [20, с.54-55]. Пусть **заражение смертью** остается неизлечимым, лишь бы "кводдитость" [то есть неизбежность, безвозвратность] прожитого была неразрушимой! [20, с.439].

Итак, в ходе осуществления исследовательской разведки мы пришли к таким выводам. Обращение, в выяснении исследуемого нами вопроса, к Библии, имеет под собой весьма серьёзные научные перспективы. Сама же библейская танатология нуждается в выработке жесткой методологии, которая бы основывалась на духовном смысле смерти. Так же, вполне обоснованным является то, что две, разные области науки взаимосвязаны, и факты, накопленные в каждой из них, можно использовать для объяснения явлений феномена смерти. К тому же можно отметить огромное сходство между естественнонаучными и библейскими (литературными) аналогиями, что даёт нам право предполагать, что феномен умирания относится к компетенции медицины, а сверхъестественная тайна смерти относится к теологии. Один из предложенных способов решения проблемы исследования, феномена смерти в Библии, – видеть в ней не просто явление-состояние, но и духовно-генетическую **болезнь**.

Всё выше сказанное приводит нас к выводу, что в процессе исследования феномена смерти, в контексте систематической библейской танатологии, следует остановиться на использовании именно герменевтического моделирования с использованием строгой богословско-терапевтической (медицинской) аналогии свойств и отношений. В этом усматривается не только синтез богословия и медицины, а соединение эмпирического и религиозно-философского метода научных исследований.

Согласно проведенного исследования, существует только два общих вида смерти. Первый, обратимый вид, который включает первоисточник (духовную смерть) и её видимые составляющие (следствия): душевная (нравственно-моральная) и телесная (физическая) смерти. Второй – это вечная, окончательная и неотвратимая духовная смерть. Источник инфекции – сатана. Причина болезни – грех. Если болезнь не вылечена при физической жизни, то человек неминуемо умирает необратимой вечной, «второй» духовной смертью (отделение от Бога). Больной – есть человечество. Врач – Бог. Библия – как история болезни, так и рецепт с печатью Духа Святого, а искупительная жертва Иисуса Христа – лекарство против причины «смерти-болезни», греха и всех его проявлений. Доверие лечащему врачу – вера. Соблюдение карантина – освящение. Прогноз заболевания – надежда и вечная жизнь или безнадёжность и вечная смерть.

Библия нас предупреждает, что хотя в Своем Слове Бог дал нам много света, достаточного для нашей жизни на этой земле, тем не менее, у Него остается несколько тайн, о которых знает лишь только Он. В Ветхом Завете читаем: «Сокрытое [принадлежит] Господу Богу нашему, а открытое – нам и сынам нашим до века, чтобы мы исполняли все слова закона сего» (Втор. 29:30). В Новом Завете мы также встречаем случаи, когда Бог не разрешил людям говорить о некоторых вещах. Павел был «восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (вернее «нельзя пересказывать»))» (2 Кор. 12:4). Иоанну было приказано: «И когда семь громов проговорили голосами своими, я хотел было писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего» (Откр. 10:4).

На этот счет Исаия дает следующий мудрый совет: «И когда скажут вам: обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шептунам и чревовещателям, – тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему Богу? спрашивают ли мертвых о живых? [Обращайтесь] к закону и откровению. Если они не говорят, как это слово, то нет в них (дословно «у него», т.е. «у этого слова или вопроса») света» (Ис. 8:19-20) [16, с.1427-1429].

Перспективы использования результатов исследования. Используя результаты настоящего исследования, мы можем обосновать предметное самоопределение и основные задачи систематической библейской танатологии. Следовательно, *первая задача*

методологическая, обращаться к Библии для обнаружения истины. *Вторая задача теоретическая* – это соединить отдельные доктрины и богословские дисциплины с целью создания объединяющей структуры, стержнем которой и будет библейская танатология. Вследствие чего, мы сможем воспринимать реальность христианской жизни в свете истинного библейского учения о смерти. Это поможет избежать богословского эклектизма и «матричного» мышления в современной христианской церкви. *Третья задача практическая* – возрождение первоапостольского служения [«Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте» (Матф.10:8).] в современной церкви, формирование личного богословия и библейских стандартов танатологии.

Литература

1. Августин Аврелий. Проповеди и поучения. Глава XXXVII. Беседа 19/7. О единении между братьями и любви между ближними (Сир. 25, 2). О вражде и мире с донатистами. – (De lite et concordia cum donatistis) // Творения. Изд. Дом: «Образ». 2007. – 1466 с.
2. Варава В.В. Грани культуры. Современная российская танатология (опыт типологического описания) / В.В.Варава // «Парадигма». Философско–культурологический альманах. Выпуск №10. – Издательский дом С.-Петербургского государственного университета, 2008. – С.61-80.
3. Вольф Николас. Христианские корни науки / Вольф Николас // Европейская христианская газета «Вечное сокровище». Выпуск №1 (23), 2011. – С.15.
4. Генри А. Верклер. Герменевтика. Принципы и процесс толкования Библии / Верклер А.Генри. – Институт психологических исследований, Атланта, Джорджия, Gospel Literature Services (Schaumburg, Illinois, U.S.A), 1995. – 133 с.
5. Дякония. RU: (Официальный сайт Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви): [электронный ресурс] / Епископ Пантелеимон: «Бескорыстие объединяет врачей и священников». Текст выступления председателя Синодального отдела по благотворительности на III Всероссийском съезде православных врачей. 2012. – С.1-4 – Режим доступа URL: <http://sv-troica.prihod.ru/favouritecat/view/id/32679> (дата обращения: 08.02.2015).
6. Исупов К.Г. Русская философская танатология / К.Г.Исупов // ВФ, 1994, №3 – С.1-17
7. Калиновский П. Переход. Последняя болезнь, смерть и после нее / П.Калиновский. – М., 2002. – 192 с.
8. Курс лекций по патологической анатомии. Частный курс. Часть I. Часть II, книги 1,2. / Под ред. академика РАН и РАМН, профессора М.А.Пальцева. – М., 2003. – 210 с.
9. РСПП: [электронный ресурс] / Лега В.П. История Западной философии. 2-е изд. М.: ПСТГУ, 2009. – 456 с. – Режим доступа URL: <http://www.mppda.ru/> (дата обращения: 08.02.2015).
10. Малая медицинская энциклопедия. – М.: Медицинская энциклопедия. 1991–96 гг. Энциклопедический словарь медицинских терминов. – М.: Советская энциклопедия. – 1982–1984 гг. – 4356 с.
11. Принс, Дерек. «Встречая смерть» / Принс, Дерек. – Издательство «Дерек Принс министрис», 2006. – 149 с.
12. Сидоренко Ф.Ф. Логика для менеджеров, экономистов, юридических работников, предпринимателей. Популярное пособие с задачами и упражнениями / Ф.Ф.Сидоренко. – Ставрополь: Символ, 1992. – 120 с.
13. Википедия. Свободная энциклопедия: [электронный ресурс] / Анамнез. Сайт: Wikimedia Foundation, Inc. 2015. – С.1 – Режим доступа URL: <http://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 08.02.2015).
14. Википедия. Свободная энциклопедия: [электронный ресурс] / Терапия. Сайт: Wikimedia Foundation, Inc. 2015. – С.1 – Режим доступа URL: <http://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 08.02.2015).
15. Тейлор Д., Грнн Н. Стаут У., Биология: В 3-х т. Т.3: Пер. с англ./Под ред. Р. Сопера – 3-е изд., – М.: Мир, 2004. – 451 с.
16. Томас Веспетал. Слово о Боге: Евангельское богословие для восточных христиан. Том 2 – Откровение Бога: Доктрина о Библии. Истолкование Библии. Под редакцией Сергея Поднюка / Томас Веспетал. – Киев, 2013. – 1803 с.
17. Уотсон Л. Ошибка Ромео. Гл II: Смерть как заболевание / Л.Уотсон. – Изд-во: Харвест, 1998. – 656с.
18. Филипп Арьес. Человек перед лицом смерти / Филипп Арьес. – М.: "Прогресс" – "Прогресс-Академия", 1992. – 528 с.
19. Шор Г.В. О смерти человека: введение в танатологию / Г.В.Шор. – СПб: Изд-во СПбГМУ, 2002
20. Янкелевич В. Смерть (Перевод с французского) / В.Янкелевич. – М.: Изд-во Литературного института, 1999. – 448 с.
21. Newport J. P. Contemporary Philosophical, Literary, and Sociological Hermeneutics // Corley B., Lemke S. Lovejoy G. Biblical Hermeneutics. – Nashville, TN: Broadman, 1996. – С.133-144

Sergii Seletskyi

Theological and therapeutic analogy of the phenomenon of death, as a new methodological approach in a systematic Biblical thanatology

In the real article rises, very pressing problem of the research methodology of the phenomenon of death in the context of (religious) Biblical thanatology.

Keywords: death, the phenomenon of death in the Bible, methodology, modeling, analogy, therapy, synthesis of theology and medicine, truth, biblical tanatology.

Надійшла до редакції 14.03.2015 р.